

СВЕТЛАНА ШУМИЛО (АВЛАСОВИЧ)

Родилась в 1981 г. в Таре. Работает преподавателем в Черниговском национальном педагогическом университете им. Т.Г. Шевченко. Публиковалась в коллективных поэтических сборниках и периодических изданиях.

* * *

Кому сказать, что я, любя одно,
Живу в другом и делаю другое,
Что это испытание такое,
Что это благо и что смысл в том,

Чтоб жить и здесь, как там, день ото дня
Себя – винить, других – любить, и всё же
Шепнёшь себе порою: кто поможет?
Кто выслушает? Кто поймёт?

Кому сказать?

И я не изменяю ли себе,
Когда смиряюсь и сдаюсь без боя?
Ведь быть юродивым или изгоем
Намного проще, чем внимать судьбе.

Намного проще, чем пройти свой путь,
Всех выслушать, чужое горе выznать,
Чтобы в последние минуты жизни
Вдруг улыбнуться и легко уснуть.

Тогда не захочу я никому
Сказать, что я любила, что забыла,
Как нелегко, как больно это было
И я осталась верной почему.

И вдруг окажется тогда, что я
Всегда, всю жизнь жила – где было
нужно,
Работала ль, спала ль, звала ль на ужин
И думала о том, что есть семья...

Да! Думая о том, что есть семья, –
Ещё о Том, Кто слышит нас на небе.
И вдруг окажется, что эта быль – моя,
А всё, о чём мечталось, – это небыль.

ЖЕТОНЧИК

Я таскаю в кармане жетончик
Из питерского метро.
Я скучаю по Питеру очень,
А это уже старо –
Тискать в ладони жетончик
От чужого метро.
И запах рельсов вначале,
И Витебский старый вокзал.
Меня там всегда встречали,
Колёса всегда стучали,
И кто-то как-то сказал:
«Вы уж почти что наша!»
И я повторила: «Почти».
Граница с Россией всё дальше,
Воздвигнутая из фальши,
Идти до неё и идти.
Затёртый жетончик в кармане,
Карманная карта в столе,
Как в старом грустном романе.
И – война на экране,
И – весна на земле.

* * *

Что делать нам с простым желаньем жить?
С весной, пришедшей долгожданно-рано?
Какому министерству доложить,
Что мы не те, не люди у экрана?
Что наша романтическая мечта
Проста, как хлеб, как молоко в стакане,
Что слишком рано, если красота
Едва проснулась, – слишком рано ранить
И убивать. Едва ведь на порог,
Едва хватило мига оглянуться,
Увидеть свежую траву у ног,
Хотеть ступить – и не посметь коснуться.
Кому кричать, что мир совсем иной,
Что в нём так много книг, улыбок, силы,
Что никакою мёртвой тишиной
Не заглушить его, не скрыть в могилу?

Но сколько ни кричи, а мир живёт
Совсем не той мечтой, не тем
стремленьем.

Он нас сомнёт, потом перешагнёт –
И нас затмит свою грозной тенью.

ДОМ ПОД ЛИПОЙ

Дом, у окошек которого сладкая липа
Тает и плавится в солнечном мареве дней.
Дети играют у дома: то хохот, то всхлипы,
Горе короче, а радость длинней и длинней.
Как всё забудем, когда мы так долго

играли?

Как повзрослеть, если счастья забыть
не смогли?

Мы слишком много любили и мало
страдали

В нежных объятиях ласковой нашей земли.
Мы повзрослели. Дома и деревья всё те же,
Только сегодня в домах поселилась беда.

Все, кроме липы, уже позабыли о прежнем,
Кажется, будто бы так оно было всегда.

Были всегда эти странные, страшные
сводки,

Сколько убито и чьи это были сыны.

Бывшие дети с чрезмерно усталой походкой
В поисках мира бредут по дорогам войны.
Как всё забыть?

Слишком много для этого знаем.

Мы бы другому простили, себе – не смогли.
Любим мы мало, но много, но много
страдаем,

Глядя в глаза безответной, несчастной
земли.

Чтобы дожить до конца и не переломиться,
Нужно и много страдать, и бескрайне
любить.

В дом, что под липою вечной, суметь
возвратиться,

В этой ли жизни... а если... то в той,
может быть.

* * *

Сильней наркотической зависимости –
привычка жить,

Строить планы, ждать, оставаться на связи
с милым.

Мириться ли, ссориться ли, любить,
дружить,

Беречь себе нервы и деньги, эмоции, время,
силы.

Жить, как будто бы смерти за жизнью нет,
Жить, как будто бы жизни за смертью –
тоже.

И огорчаться от тысячи мелких бед,
И привыкать, что большой беды в принципе
быть не может.

Но когда подступает большая-большая беда,
Мы вдруг понимаем, что жизнь – это нечто
иное,

Что мы разучились жить: расплылись,
рассеялись на покое

И размечтались о том, что не сбудется
никогда.

Мы не надеялись, не просили –
мы требовали себе,

Чтобы у нас была уверенность в нашем
завтра,

Мы из обиды, из гордости, из азарта

Делали что-то наперекор судьбе.

И что же теперь, если нужно не спорить,
а просто принять,

Просто смириться с тем, что Беда –
насталла?

И оказалось, что так ничтожно мало
Мы знаем о жизни, чтобы живыми стать.

МОЛИТВА

Я опять, как вчера, под иконой о чём-то
прошу,

Но боюсь прошептать и простую,
и страшную просьбу.

Непрестанной молитвой полгода
на сердце ношу,

Но не выговорю, будто слову противится
воздух.

За окном расцветает апрель, и небес
синева

Не похожа на то, что полгода сорваться
боится.

Знаю все до единого нужные просьбе
слова,

Но, однажды сказав, я поверю, что это
случится.

И в глазах проходящих – и проходящих
людей,
Несмотря на погодные и обиходные
темы,
Я читаю всё те же слова и всё тот же
задел
Для молитвы, которую прячут надёжные
стены.
Это время... Как много оно изменило
вокруг,
Как безвременно дети взрослеют и старятся
люди...
Ты всё слышишь. Без слов и без слёз,
без заломленных рук.
Да не будет того, что в молитве. Не будет.
Не будет!

ВИШНИ ПОСПЕЛИ

Вишни спелели. Ах, вишни, зачем вы
спелели?
Располовинили лето, его ведь всегда
Еле хватает на радостных две-три недели,
Пару прогулок и пару доверчивых «да».
Можно сидеть на веранде: цикады,
зарницы,
Много мороженого и немного вина!
Можно. А не было.
Можно ещё снарядиться
На шашлыки – и в поход, и до самого сна!
Можно купить бадминтон и играть,
будто дети,
Можно на речку ходить – тут ведь недалеко!
Можно. А не было.
Вишни взгрустнули о лете –
И отошли. И оно отошло. Рубикон
Наших годичных иллюзий. И всё бы
не страшно,
Если б не в жизни вот так, что мы много
могли,
А спохватились, когда это всё
во вчерашнем.
Вишни цвели, созревали и вдруг отошли.

* * *

Жить для других и о себе забыть.
Вставать чуть свет и вовремя ложиться,
И быть уверенною, и не суетиться.
И так размеренно и мудро жить.
Не ждать от жизни ничего, что ждётся.
Не рваться между чувством и умом.
И не надеяться, что кто-то разберётся,
Поймёт, поможет и согреет дом.
Не жаждать, не мечтать. Поставить цель –
И к ней идти, спокойно и упрямо,
Как в песне. И не верить в канитель
Ни снов, ни сказок... Быть серьёзной мамой
И вырастить серьёзное дитя.
И оправдать сложившееся мнение,
Что ты живёшь высоким вдохновеньем
И все сомнения крушишь шутя.

И никому не говорить, что ты
Так далека от этой высоты.

ЦВЕТ АБРИКОСА

Цвет абрикоса, розовая страна.
Ожидания года в два дня опадут весной –
А потом сразу осень. И вновь-таки
не до сна,
Но не так, как раньше, а просто –
лежать одной.
Чтобы никто не услышал, как ты молчишь,
Не заметил, как низко то, что взмывало
ввысь.
Так за царским ковром притаилась немая
мышь,
Но Гамлет пронзит её шпагою, как ни таись.
Цвет абрикоса, розовая гроза,
Синь, высасывающая не только глаза,
но дух.
Тихо-тихо крадётся за молодостью, за
Жизнью маленький, чёрный и злой пастух.
Может, просто я что-то не то приняла
за жизнь?
Не на ту монету готовилась разменять

Богом данный талант?.. Но спеши, спеши
Наслаждаться, не то – снова придётся
ждать.

Цвет абрикоса. А он ведь едва-едва.
Или так кажется? Или давно – уже?
Цвет абрикоса. И трогательные слова.
И так тяжело... И так легко на душе.

Я ЛЮБЛЮ...

Я люблю твой маленький мирок.
Он – не я, он в завтра смотрит смело,
В нём всё проще, в нём за словом – дело,
Ничего за текстом и меж строк.
Он большой – твой маленький мирок.
В нём живое всё, что только есть:
Шарики, игрушки, песни, книжки.
В нём один король – смешной мальчишка,
Он решает всё сейчас и здесь.
Главное – твой мир и правда есть.
Все твои мечты реальней нас,
Все фантазии – живее жизни.
Все улыбки, все твои капризы,
Тайны маленьких лукавых глаз –
Всё намного лучше, чем у нас.
И влети однажды Питер Пен,
Распахни твои ночные шторы –
Не нужны бы были уговоры –
Ты бы вылетел из этих стен,
Ты и сам почти что Питер Пен.
Потому-то ночью прихожу
В комнату, где ты сопишь в кровати.
И сажусь к тебе – смотрю украдкой,
И грущу, и долго так сижу.
– Мама, что? – но я не расскажу.

ПИСАТЬ СТИХИ

Писать стихи? – разбить всё существо
О пустоту, о белый лист бумаги?
На остриё отточеннейшей шпаги
Низать живую плоть поющих слов?
Нанизывать, прокалывать, ломать
И слово каждое расшевелить до сути,
Рассечь – не лекарю, а палачу под стать, –

Извлечь, как из утробы, как из мути,
То чуть заметное, чуть слышное, зато
На четверть тона выше, чище слова –
И нота в ноту, свеже, точно, ново,
Но всё-таки мучительно не то.
Не то, что долго не давало спать,
Мешало выдохнуть и жить несложно,
Не то, о чём нельзя не написать,
Но и писать, как видишь, невозможно.

А чтобы то – так должен быть готов
Не слово подставлять под поиск шпаги:
Её находка ляжет на бумаге
И будет сердцем, данным вместо слов.

* * *

Снова прощаемся. Что за судьба –
прощаться?
Что за судьба: полгода вместе, полгода –
врозь?
Ты обещаешь вернуться и никогда –
остаться.
Видеться, грезиться и – чтобы
не спалось.

Чтобы всегда – по-свежему, чтобы
всегда – с надрывом.
Не обывательски-скудно: дом, ребёнок,
уют...
Только куда – после наших влюблённых
порывов,
После того, как долго гремел салют,
После подсчётов, сколько часов
осталось,
Как на ходу собирались и на лету
К поезду обнимались и целовались,
Только куда после этого – пустоту?

Более неподъёмной вещи я не встречала,
Чем эта гложущая, сосущая пустота.
Холод вокзала. Холод людного зала –
Я не пошла домой, хоть и замерзала.
Дом уже был не тот. И вся жизнь – не та.

Ну а когда вернулась... Что за судьба –
возвращаться

В дом, где ни слова, ни звука, ни тени
вдруг?!
В следующий раз, если снова будем
прощаться,
Просто не дам разорвать наших губ
и рук!

Просто сольюсь! Перестану отдельно
мыслить!
Стану ребром обратно! – и никуда!..

Что за судьба – полжизни с тобой,
Без тебя – полжизни?!
Что за беда?..

* * *

Трудно ли убить человека? –
Не нужно оружия.
Голосом тихим, слегка натужным, –
Фразу одну. И человек – калека.
Он будет с утра, как всегда, ходить
на работу

И ждать субботы.
Он будет в теле.
Слегка не в духе.
Говорить будет о деле,
Даже если страдает бездельем,
Спокоен в любви и в разлуке –
И вообще будет очень спокоен.
Никто и не догадается,
Что тело пусто внутри – не живёт, а мается.
Что погиб художник, поэт и воин,
Любящий и любимый,
Смешной, капризный и неповторимый,
А с ним отошли в никуда полвека.
Трудно ли убить человека?..

ФОРМУЛА СЧАСТЬЯ

Формула счастья проста?

Проста, как родить и растить,
Проста, как любить и простить,
Проста, как иметь и отдать,
Проста, как невинно страдать:

Не знать за собой ничего,
Кроме любви и тоски,
И, всё возложив на Него,
Как два крыла, две руки
На две – крест-накрест – доски
Раскрыть – и счастливым стать.

Формула счастья проста,
Как форма Креста.

* * *

Мой милый друг, храним своё тепло
От жадных глаз и глупых пересудов.
Пусть лето отшумело и прошло,
Но счастье нам не суждено, куда
Мы не научимся хранить своё тепло.

Научимся дрожать над ним, как дети,
Бояться дверь случайно распахнуть
И в дом впустить беспутный страстный
ветер.

А надо нам с тобой, хотя б чуть-чуть,
Смотреть на этот мир, как смотрят дети.

Так будем же стараться каждый шаг
Соизмерять с возможною утратой,
Благословлять восходы и закаты,
Бояться слово обронить не в такт,
И вырывать из будней день крылатый,
Чтобы потом, на старости, когда-то
Спокойны были мы за каждый шаг.

МОЛЧАНИЕ

Сколько бы ни было сказано самых
отчаянных слов,
Как бы горько ни жаловаться
на неизбежность потери,
Но если я говорю, значит, я ещё верю
В то, что где-то за горизонтом неизменно
живёт любовь.

Сколько бы ни было сказано самых
отчаянных слов,
Но страшнее всего отчаянье будет в своём
молчанье.

Встаёшь под икону – и ни полмысли.
И гол, и вдов
сердца комок.
А слова – пустое брэнчанье,
Простое и лёгкое, а потому – нет
счастливей его,
Нет нужнее его и нет полновесней и
строже.
И что разговор ни о чём всего на свете
дороже,
Вдруг понимаешь, когда ты не в силах
сказать ничего.

СЛЁЗЫ

Я хочу, как ребенок, слёз,
Я не знала: в слезах – гроза.
Чтобы что-то хоть раз – всерьёз,
То хотя бы одна слеза
Самых нужных молитв нужней,
Самых нежных нежней стихов.
До неё бы, её, а в ней
Раствориться весь мир готов.
Слёз без мыслей и слёз без слов.
Это просто и так легко,
Что до них, как до облаков,
Легче лёгкого –
Далеко.